

ЮРИЙ ТИХЕЕВ

Платон в России: взгляд со стороны

Предисловие к статье Ф. Незеркотт

Статья Франсес Незеркотт, публикуемая ниже в переводе, позволяет читателю в какой-то мере составить представление о ее книге «Платон в России» (F. Nethercott *Russia's Plato. Plato and the Platonic Tradition in Russian Education, Science and Ideology, 1840–1930*, Aldershot et al.: Ashgate), опубликованной в 2000 г. Текст статьи является сокращенной версией пятой главы («Вопрос о русском платонизме») — самой острой и содержащей выводы, репрезентативные для всего исследования. Следует сразу отдать должное английской исследовательнице: в отечественной литературе до сих пор отсутствует работа, по охвату материала и добросовестности проработки отдельных вопросов сопоставимая с ее книгой. И вместе с тем эта книга, написанная «западным» автором (специалистом по «интеллектуальной истории России», а не по Платону) для «западного» читателя, имеет характерные особенности, заметные для русского глаза. События XX в. — революция и построение коммунистического государства, сталинские репрессии и противостояние в холодной войне, перестройка и крушение СССР — предопределили специфику интереса к России в остальном мире и обеспечили в зарубежных исследованиях на «русскую тему» преобладание «политической» (в определенном понимании) составляющей. Исследование Незеркотт не представляет исключения. Несмотря на то, что ряд глав посвящен специальным вопросам, например, изучению роли платонизма в формировании русской философской традиции (гл. 2) и философии права (гл. 3), в целом такой «политический» уклон исследования несомненен.

Впрочем, использование имени греческого философа в подобном контексте закономерно и в определенной степени ожидаемо. Платон — одна из самых идеологически ангажированных фигур в социально-философской и политической мысли прошедшего столетия. На общем фоне ситуация в России, достаточно подробно в «советской» ее части

описанная в статье, не выглядит исключительной. Не менее показательна судьба Платона в первой половине прошлого века в Германии — стране, где, в отличие от России, на протяжении по крайней мере двух столетий существовала мощная философская и филологическая школа исследования и адаптации наследия греческого философа.

В первое десятилетие после Первой мировой войны в Германии постепенно сформировался и получил широкое хождение взгляд на Платона как на «вождя», «основателя» и «воспитателя». Этому способствовали труды немецких ученых самого разного толка: от маргинальных в академической среде участников так называемого круга Георге, вроде К. Хильдебрандта и К. Зингера, до вполне уважаемых представителей университетской науки, вроде Ю. Штенцеля и В. Йегера. В 1930–1940-х гг. созданный ими «новый образ» Платона оказался на удивление созвучным национал-социалистическим претензиям на руководство обществом (о чем коротко сказано в статье Незеркотт). Судьба Платона в фашистской Германии оказалась той же, что и в СССР: греческий философ, оставаясь утехой немногих ангажированных интеллектуалов, каноническим автором для национал-социалистической идеологии не стал.

Исследования советских ученых 1920–1930-х гг., аккуратно перечисленные в статье, конечно, не были известны на Западе, но революционные события в России тем не менее оказали влияние на восприятие Платона за ее пределами. В СССР полным ходом шло строительство государства, вожди которого, претендовавшие на политическую власть не менее, чем на знание истины и «духовное» руководство, казалось, трудились над воплощением в жизнь платоновской утопии. Это не могло скрыться от внимания исследователей в странах, где политическая жизнь не была затронута идеологической мутацией. Начиная с 1920-х гг. сравнения коммунистического режима в России с утопическим государством Платона становятся там все более и более распространенными. А вскоре в США появляются работы, принадлежащие У. Файту и Р. Кроссману, в которых Платон был представлен первым в истории теоретиком репрессивного государства. К середине века такой взгляд на греческого философа становится едва ли не каноническим благодаря выходу первого тома знаменитого исследования «Открытое общество и его враги» К. Поппера.

Об этом контексте, позволяющем безошибочно угадать в Платоне «актуального» политического мыслителя, в книге Незеркотт, однако, не сказано почти ничего. Исследование ограничивается русским материалом, и читателю предоставляется возможность самому судить, насколько уникальным было отношение к Платону в России. К чести Незеркотт, надо заметить, что цели ее исследования продвинулись значительно дальше поиска параллелей между «платоновским» и «марксистским» социальными проектами. Платон рассматривается английской исследовательницей как своего рода «шиболет», позволяющий

определить, какова была реакция русской мысли на «платонический» соблазн переустройства реального мира по идеальному плану.

И ответ Незеркотт очевиден: русская мысль была подвержена этому воплотившемуся в тексте «Государства» соблазну. Это относится к дореволюционной русской мысли, представленной в книге именами Новгородцева, Соловьева и братьев Трубецких (гл. 4). Но то же самое можно сказать и о советских авторах (см. статью). Все они рассматривали «утопию» Платона как прообраз для собственных проектов «идеального государства». В итоге, правда, и те и другие отвергли Платона, но, как можно понять Незеркотт, только потому, что их собственные социальные проекты оказались гораздо более радикальными. Это обстоятельство предопределило эволюцию отношения к Платону в России на протяжении длительного исторического отрезка, разделенного надвое революционными событиями 1917 г. Несмотря на последовавшую за этим полную смену идеологических установок, синусоида колебаний отношения к Платону не была нарушена: за периодом принятия следовал период отвержения, сменяемый в свою очередь периодом реабилитации «свергнутого кумира».

На этом основании Незеркотт приходит к выводу (он представлен в статье), что история России циклична. За реформами следуют контрреформы, за модернизациями — периоды деградации и т. д., что в конечном итоге стирает жесткие границы между царским и советским режимами. Безусловно, такой вывод, поддержанный ссылкой на авторитетное мнение «западных» историков и советологов, не обманет ожиданий «западного» читателя. Впрочем, книга не дает однозначного ответа, был ли этот вывод извлечен из наблюдений над эволюцией русских оценок Платона, или таковая эволюция была использована автором в качестве иллюстрации заведомо принятого ей взгляда на историю России. Реакция отечественного читателя, без сомнения, будет более сложной. Но, вероятно, его душу согреет мысль, что цикличность русской истории, если таковая в самом деле имеет место, при любом развитии политической ситуации обеспечит Платону надежное будущее в интеллектуальном мире России.